
ШРАМ НА ЛЕДЯНОМ СЕРДЦЕ
Марина Ковалёва
Люблю вопреки.
Книга 1.
18+

Марина Ковалёва

Шрам на ледяном сердце

https://litres.ru/74723459
SelfPub; 2026

Аннотация

Провинциальная девушка Анастасия, выучившаяся на дизайнера, приезжает покорять Москву, мечтая вытащить сюда своего возлюбленного Никиту. Она находит работу в крупной строительной фирме. Владелец фирмы архитектор Борис — изуродованный аварией вдовец, у которого на неё болезненная тяга с первого взгляда, — становится для неё человеком, которого она боится и ненавидит одновременно. Сможет ли он стать тем единственным, кто способен полюбить её, а не тень своего прошлого?

Содержание

Глава 1. Человек со шрамом. 4
Глава 2. Сталь и стекло. 10
Глава 3. Одиночество в Москве. 16
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Марина Ковалёва
Шрам на ледяном сердце

Глава 1. Человек со шрамом.

Утро в Москве пахло мокрым асфальтом и чужим парфюмом из вагона метро, в который меня вдавили так, что сумка с резюме врезалась в рёбра. Я выпорхнула на «Арбатской» вместе с толпой и на секунду замерла, подняв лицо к серому небу. Казалось, город смотрел на меня сверху вниз — небоскрёбы, реклама, чужая, слишком быстрая жизнь.

Вздохнув, запахнула вязанный мамой тёплый шарф.

«Я справлюсь. Я не вернусь в Сосновск с пустыми руками!»

Телефон завибрировал в кармане. Сообщение от Никиты.

«Кинь пару тысяч до пятницы, а? Сломал в зале тренажер, надо заплатить за него. Люблю тебя, моя Москва))»

«Моя Москва». Я сглотнула. Мой парень начал называть меня так с того самого дня, как я переехала сюда. В этом городе я видела возможности для нас обоих. Переехать сразу со мной Никита отказался, говоря, что не может вот так всё бросить и уехать в неизвестность. Ему нужно насиженное место. Вот я и поехала насиживать...

Три месяца как я здесь, и всё это время «люблю» прихо-

дило только вместе с просьбой о деньгах. Грустно... Но я перевела. Конечно, перевела. Потому что верила: вот-вот он подтянется за мной, и тогда у меня будет всё — и любимый, и город, и свадьба, и та самая фотография Тадж-Махала, что стояла заставкой на моём телефоне станет осязаемой реальностью.

Дверь бизнес-центра «Башня на Пречистенке» отразила меня такой, какой я не была: маленькая, в чужом пиджаке, взятом напрокат у соседки, с ровной спиной, которую я заставила выпрямиться, с напускной уверенностью. Я шла на собеседование в очень крутую компанию и шанс, что меня возьмут был равен нулю.

«Я, Настя Кузнецова. Дизайнер. Двадцать пять лет. Я не вернусь домой.»

Офис компании «Монолит» занимал весь двадцать седьмой этаж. Стекло, бетон, тёплый свет, тишина, в которой стук моих каблуков звучал вызывающе громко. Девушка на ресепшене окинула меня взглядом и улыбнулась профессионально-пусто:

— Анастасия Кузнецова? Дизайнер-интерьерщик? Отдел проектирования — направо, кабинет двенадцать. Владелец будет на собеседовании лично. Борис Андреевич Гордеев.

— Владелец? — переспросила я, и голос предательски дрогнул.

— У нас личное собеседование со всеми, кого берём на творческие должности. Удачи.

Отступать некуда. Я вошла в переговорную с широким панорамным окном и макетом нового жилого квартала на длинном столе. И впервые увидела человека, о котором потом не смогу думать спокойно.

Он стоял у окна спиной ко мне — высокий, в тёмном костюме, который сидел на нём дорого и небрежно, как на людях, которым плевать, сколько это стоило. Когда он повернулся, я едва не сделала шаг назад.

Лицо было бы красивым — волевой подбородок, серые глаза, тёмные волосы с проседью на висках, — если бы не шрам. Он рассекал левую щёку от виска до скулы, грубый, затянувшийся старый рубец, из-за которого лицо казалось собранным из двух разных людей. Он шёл к столу, и в походке была едва заметная неправильность — лёгкая хромота, которую он маскировал с точностью человека, привыкшего скрывать боль.

И всё же. Всё же было в нём что-то, от чего воздух в комнате стал плотнее.

— Анастасия, — произнёс он моё имя так, будто пробовал на вкус. — Присаживайтесь.

Он не отвёл взгляда. Ни на секунду. Смотрел на меня странно — как смотрят на человека, которого узнали, но не хотят этого показать. Властность была сопряжена с удивлением. Я поёжилась.

— Борис Андреевич. Спасибо, что… — начала было я, но он перебил.

— Почему Москва?

Вопрос прозвучал как выстрел. Без вступления.

— Хочу расти, — ответила я, ненавидя, как заученно это звучит. — В Сосновске потолок. Здесь — возможности.

— Потолок — это то, что вы сами рисуете над собой. — Он откинулся на спинку кресла, не отводя от меня глаз. — Что умеете?

Я открыла ноутбук, развернула портфолио. Голос окреп, когда я заговорила о любимом: о том, как чувствую пространство, как свет ложится на фактуры, как дом должен обнимать человека. Он слушал молча. И продолжал смотреть.

— Хорошо, — сказал он наконец, когда я замолчала. — Вы приняты. Выходите в понедельник.

Я моргнула.

— Простите? А испытания? Тест? — не веря своим ушам, пролепетала я.

— Я только что его провёл. — Он поднялся, обошёл стол и встал непозволительно близко. — Вам пойдёт этот кабинет… — сделал паузу и продолжил: — если вы не будете бояться.

Он протянул руку не для рукопожатия — взял меня за подбородок, осторожно, большим пальцем едва касаясь, и повернул моё лицо к свету, как будто изучал.

— Ты даже не представляешь, на кого ты похожа.

Моё сердце ухнуло вниз. Не «вы» — «ты». Это уже не собеседование, а что-то другое, липкое, опасное.

Я отшатнулась и резко спросила:

— Что вы себе позволяете?

— Я позволяю себе ровно то, чего хочу, — спокойно ответил он. — Добро пожаловать в «Монолит», Анастасия.

Я вылетела из кабинета с горящими щеками. Тошнота подкатила к горлу — не от страха, от отвращения. Он богат, он уродлив, он смотрит на меня так, будто уже раздел. Как все они. Как Никита, только у того это получалось обаятельно, а здесь — жёстко, без прикрытия.

«Он мой босс. Он не имеет права так себя вести со мной! Урод!»

Первой мыслью было отказаться и искать дальше. А потом я вспомнила маму, которая и так с трудом наскребла мне деньги на первое время. После смерти отца мы жили бедно, хоть она и брала все мыслимые подработки в поликлинике. Деньги, которые я откладывала со своей трёхкопеечной зарплаты дизайнера в фотостудии Сосновска подходили к концу.

Я приняла эту работу. Аренда комнаты, которую я снимала на окраине, не оставляла мне выбора. А ещё мечта о Никите в Москве стоила дороже моей гордости.

Вечером, в маленькой съёмной комнате, я снова перевела Никите деньги со своей кредитной карты и долго смотрела на фотографию Тадж-Махала. Потом позвонила.

— Никит, когда ты приедешь?

— Ну, Насть, ну скоро. Слушай, у меня клиентов навалом,

не бросать же их… Ты там как? Не зазналась? — раздался смешок: — Ну всё, целую, тренировка.

Гудки.

Я легла в темноте, глядя на потолок, и перед глазами стояло другое лицо. Шрам. Серые глаза. И фраза, которую я не могла выбросить из головы:

«Ты даже не представляешь, на кого ты похожа».

Я не знала, что этой ночью Борис Гордеев сидел в своей пустой квартире-студии, где не было ничего, кроме матраса, чертежей и старой фотографии в ящике стола, которую он не доставал оттуда три года.

На фотографии была женщина с лицом, точь-в-точь как у девушки, вошедшей сегодня в его кабинет. И эта мысль не давала ему уснуть.

Глава 2. Сталь и стекло.

В понедельник я встала на час раньше будильника — нервы не давали спать. Я гладила пиджак, который так и не вернула соседке, и повторяла про себя, как мантру:

«Это просто работа. Он просто начальник. Ты просто будешь рисовать интерьеры и получать деньги. Немалые деньги!»

Москва встретила меня дождём и давкой, но на этот раз я шагала сквозь толпу с высоко поднятой головой. У меня есть работа. Настоящая! В «Монолите».

— Анастасия Кузнецова, — улыбнулась администратор, вручая пропуск. — Отдел проектирования, опенспейс, место у окна. Шеф уже на месте.

«Уже на месте.»

Я сжала пропуск так, что пластик впился в ладонь.

«Соберись! Ты должна быть профессионалом!» — всеми силами настраивала я себя, но внутри всё дрожало от волнения. Я никогда не работала в большом коллективе и ни одного знакомого лица.

Опенспейс жил своей жизнью: гудел, звенел телефонами, пах кофе. Кто-то склонился над мониторами, кто-то спорил над чертежами, разложенными на длинном столе. Меня встретила старший дизайнер — невысокая женщина лет сорока с усталым, но добрым лицом.

— Я Инга. Инга Марковна, если по-официальному. Вон твоё место, — она махнула в сторону стола у панорамного окна. — Проект квартала «На Соколе», жилые интерьеры. Материалы скину в общую папку. Вопросы?

— Пока нет, — я улыбнулась, и улыбка вышла почти искренней.

Первый час прошёл как во сне. Я с головой погрузилась в чертежи, в цветовые палитры, в мягкий свет, падающий на бумагу, и впервые за долгое время почувствовала себя на своём месте. Это был мой мир: фактуры, оттенки, пространство, которое дышит.

В конце рабочего дня открылась стеклянная дверь кабинета в конце зала, и гул опенспейса будто сжался.

Борис Гордеев вышел — и все как по команде выпрямились. Он не поздоровался. Прошёл через зал, чуть прихрамывая, и взгляд его скользил по рядам столов, пока не остановился на мне.

Я быстро сделала вид, что очень занята чертежом, но это не помогло.

— Кузнецова, — бросил он, не сбавляя шага. Голос сухой, как треснувшее стекло. — Ко мне. С собой — концепт по «Соколу». У тебя десять минут.

Он даже не обернулся. Просто исчез за дверью кабинета.

Инга Марковна тихо присвистнула:

— Быстро ты попала в оборот.

— Что это значит? — прошептала я.

— Значит, он тебя заметил. У него два режима: ледяной и… — она помедлила, подбирая слово, — пристальный. Не знаю, что хуже.

Я взяла ноутбук и пошла, как на голгофу. Спина прямая. Пальцы холодные.

Кабинет Бориса был таким же, как он сам: минимум вещей, максимум воздуха. Бетонная стена, чёрный стол, чертежи в тубусах у окна, ни одной личной фотографии. Только на столе — макет нового квартала, тот самый, что я видела в переговорной.

Он сидел, откинувшись в кресле, и не предложил мне сесть.

— Показывай.

Я развернула перед ним ноутбук и показала первые наброски. Голос дрогнул, но я заставила его звучать ровно:

— Здесь я предлагаю тёплую гамму, натуральное дерево, светлый камень. Квартал «На Соколе» — семейный, нужен интерьер, который успокаивает, а не… кричит.

Он молчал. Я показывала дальше, и с каждой минутой его молчание давило всё сильнее.

Наконец Борис Андреевич подался вперёд, пощёлкал мышкой по обесцветившейся стрелке, как будто искал что-то ещё.

— Это всё?

— Это эскизы за первый день, — осторожно сказала я.

— Это вторично, — он отбросил лист на стол. — Так про-

ектируют провинциальные студии, которые красят стены в бежевый и называют это уютом. Я взял вас не за это.

У меня перехватило дыхание. «Провинциальные студии». «Бежевый». Каждое слово — пощёчина.

— Тогда за что вы меня взяли? — вырвалось у меня прежде, чем я успела подумать.

Повисла тишина. Долгая. Он медленно поднял на меня глаза, и впервые за весь день в них мелькнуло что-то живое, тёмное.

— За то, что вы боитесь, но не сдаётесь. Пока что.

Он встал, обошёл стол и остановился рядом со мной — слишком близко, и снова этот запах: дорогой парфюм, холодный, металлический. Я не отступила. Заставила себя стоять, как вкопанная, и даже не шелохнулась. Перестала дышать.

— К завтрашнему утру — новая концепция, — сказал он тихо, не сводя с меня глаз. — И учтите, Анастасия: я не плачу за то, что мне нравится. Я плачу за то, что мне нужно. А мне нужен дизайнер, который видит насквозь.

Я молчала, сжав челюсти.

— Свободны.

Вернувшись на своё место, я просидела неподвижно несколько минут, глядя в одну точку на мониторе.

«Ненавижу его. Ненавижу! Нельзя так обращаться с людьми! Урод!»

Не за критику, нет... Её я могла выдержать. А за то, как он смотрел. За эту манеру сокращать расстояние. За то, что

он видел меня насквозь, и мне было страшно от того, что именно он там видел.

— Дочка, у тебя точно всё в порядке? — раздался в телефоне обеспокоенный голос мамы.

— Не переживай, мам. Всё хорошо. Работа отличная, я всем довольна.

Я старалась не расстраивать маму, у которой было больное сердце. Она глотала таблетки жменями и мои проблемы ей бы не добавили здоровья. Мама меня любила и была очень скромным человеком, но не могла или не умела проявлять свои чувства. Объятия, похвала — это была не её тема, поэтому и общение наше сводилось к перечислению произошедших событий. Разговоров «по душам» мы никогда не вели.

Вечером я позвонила Никите. Хотела услышать знакомый, тёплый, обволакивающий голос — единственное, что связывало меня с домом, кроме мамы.

— Привет. Как день?

— Да нормально. Слушай, Насть, тут такое дело… — он говорил быстро, на фоне гремела музыка спортзала. — Мне бы ещё чуть-чуть, а? Ну ты же знаешь, я для тебя стараюсь. Коплю на переезд, с клиентами не разорваться.

Я закрыла глаза.

— Ты же помнишь, почему я здесь, Никит?

— Конечно помню. Ты — моя большая московская мечта. Всё, родная, клиент пришёл. Целую.

Гудки.

Я положила телефон на стол экраном вниз. В груди было пусто и как-то очень тихо.

Выпив две чашки кофе, просидела за ноутбуком до глубокой ночи. Переделывала концепцию. В какой-то момент, уже засыпая над чертежом, поймала себя на том, что думает не о Никите. А о серых глазах, которые смотрели на меня так, будто знали раньше, даже раньше, чем я сама себя узнала.

И мне стало до тошноты обидно, что этот человек — с его шрамом, с его льдом — единственный за весь день, кто смотрел на меня как на что-то настоящее.

Москва не принимала меня. Я чувствовала себя здесь безликой и одинокой серой точкой, которую в любой момент смоет очередной дождь и никто даже не заметит этого.

Глава 3. Одиночество в Москве.

Дождь в Москве не заканчивался — он менял форму. То моросил, то хлестал косыми струями, то превращался в липкую взвесь, которая оседала на моих ресницах и делала мир похожим на мутное стекло. Я стояла у окна съёмной комнаты и смотрела, как по стеклу бегут капли, собираясь в тонкие ручейки, которые догоняли друг друга, сливались и исчезали. Мне казалось, что моя жизнь сейчас выглядит примерно так же: мелкими порциями утекает куда-то, а собрать воедино не получается.

Комната была маленькая, но я научилась любить её за то, за что не любят маленькие комнаты: за предсказуемость. Здесь всё было на своих местах. Раскладной диван, который я каждое утро собирала, чтобы хоть на несколько часов притвориться, что у меня есть гостиная. Стол у окна, на котором в строгом порядке лежали тюбики с красками, карандаши в жестяной банке из-под чая и распечатанные референсы — интерьеры, вырванные из глянцевых журналов, которые мне было жалко выкидывать. Здесь же ровной стопкой лежали рисунки, когда выдавалось свободное время, я обожала рисовать. Любая вещь могла стать для меня натурой: шоколадный эклер, девушка, прогуливающая собаку, задумчивый мужчина с телескопом из соседнего дома.

На стене над столом — пробковая доска с приколотыми

фотографиями: родители, подруга Лера с последней встречи в Сосновске, пожелтевшая открытка с Тадж-Махалом. И, в самом углу, прячась за остальными, — фотография Никиты.

Почему-то в детстве мама читала мне индийские сказки. Этот яркий и удивительный мир с песнями, диковинными птицами и экзотическими животными притягивал меня. Мне казалось, что люди там очень счастливые и ... свободные!

Я поставила чайник, но пить чай не хотелось. Хотелось позвонить Никите, но я не делала этого. Ждала...

За два года наших отношений мы несколько раз расставались. Точнее он просто пропадал из моей жизни. Я сходила с ума от этого молчания и звонила сама, навязывалась ему, боясь, что больше не увижу, не поцелую, не обниму. Никита отвечал на мой звонок, как ни в чём ни бывало и после этих пауз секс с ним становился ярче, а он внимательнее и нежнее, пока... не пропадал вновь.

Я ненавидела эти паузы, в которых я мучительно обдумывала что я сделала не так и как мне стать лучше, что ещё сделать для него, чтобы привычка пропадать улетучилась, исчезла из его манеры поведения.

Теперь к этим переживаниям добавились другие. Первый месяц в «Монолите» перемалывал меня, как бетономешалка в серую и густую массу. Каждое утро я вставала в полшестого, потому что от окраины, где я снимала комнату у пожилой хозяйки по имени Зинаида Павловна, до бизнес-центра

на Пречистенке было почти полтора часа дороги. Метро, пересадка, эскалатор, толпа, ещё толпа. Я научилась засыпать стоя, прижавшись лбом к стеклу вагона, и просыпаться ровно на своей станции — как будто внутри меня был встроенный навигатор, который не давал проехать мимо.

Работа была настоящей — и от этого ещё страшнее. Потому что теперь, когда я смотрела в монитор, где выстраивался концепт жилого интерьера, понимала: это не рисунки. Это чьи-то дома. Кто-то будет просыпаться в этих комнатах, варить в этих кухнях кофе, встречать в этих прихожих своих детей. И если я ошибусь: подберу не тот свет, не ту фактуру, не ту пропорцию, — этот чужой дом будет дышать неправильно.

Я не имела права ошибаться. Потому что Борис Гордеев ждал моей ошибки так, как ждут обещанного.

Он почти не разговаривал со мной в первые недели. Но я чувствовала его присутствие постоянно, как чувствуют сквозняк, который гуляет по дому даже при закрытых окнах.

Он проходил через опенспейс — и воздух в зале менялся. Все выпрямлялись, разговоры затихали, клавиатуры начинали стучать ровнее и тревожнее, как будто каждая секунда простоя на глазах у шефа могла стоить рабочего места. Я тоже выпрямлялась. И ненавидела себя за это.

Однажды я поймала его взгляд. Он стоял у стеклянной стены кабинета, сложив руки на груди, и смотрел на меня через весь зал — долго, неподвижно, не мигая. Я уставилась в

монитор и видела краем глаза его тёмный силуэт. Сердце заколотилось так, что, казалось, его слышно на соседнем столе, мышка выскальзывала из-под потной ладони.

«Смотри сколько хочешь. Я тебе не призрак. И ты меня не получишь!»

Я не знала, откуда взялась эта мысль — про призрака. Просто пришла откуда-то из глубины, из той тёмной воды, где живут предчувствия. Я отмахнулась от неё, как от назойливой мухи.

Телефон предательски молчал и вечера становились невыносимы.

«Позвонит сегодня или нет?»

Это стало ритуалом, похожим на бросание монетки в фонтан: загадываешь одно и то же желание, но знаешь, что вода холодная и глубокая, и что монетка упадёт на дно, ничего не изменив.

В очередной раз, втоптав своё самолюбие по глубже в грязь, я позвонила Никите сама.

— Алло, Никит?

— О, привет. Слушай, я на тренировке, перезвоню через полчаса, лады?

Он не перезванивал ни через полчаса, ни через час, ни через день. А когда перезванивал — то была уже глубокая ночь, я спала, отключив в телефоне интернет. Читала с утра сообщение:

«Скучаю по тебе, моя Москва. Приезжай скорей».

«Приезжай скорей.» Как будто я просто уехала в отпуск, а не вырвала себя с корнем из единственного места, где знала каждую щербинку на асфальте. Как будто это я та, кто должен вернуться.

Иногда мне хотелось написать: «Это ты приезжай. Я уже приехала. Я здесь, Никит. Я жду». Но я не писала. Боялась, что ответа не будет. А тишина в ответ — это слишком больно.

В тот вторник, когда всё стало совсем невыносимо, виноват был, как ни странно, даже не мой ненавистный начальник Борис, который пожирал меня похотливым взглядом и заваливал бесконечными правками.

В тот день я вернулась домой позже обычного — задержалась, переделывая в третий раз план освещения для гостиной в концепте. Хозяйка, Зинаида Павловна, встретила меня в прихожей, по-птичьи склонив голову набок:

— Тебе почта пришла. И, Настюш… — она помедлила, поджав губы, — там из банка письмо. Я не читала, но конверт-то казённый. Ты уж проверь.

Я взяла конверт. Руки почему-то стали ватными.

Вскрыла его уже у себя в комнате, под тусклым светом ночника. Банк. Напоминание о задолженности по кредитной карте. Сумма, от которой у меня пересохло во рту.

Это были те самые переводы. Месяц за месяцем, «пара тысяч», «ещё чуть-чуть», «ну ты же понимаешь». Я складывала эти мелкие суммы в общую копилку Никитиного благо-

получия, и вот теперь копилка лопнула — и обернулась моим собственным долгом. Я не могла отказать ему, а аппетиты у Никиты росли. Одни только брендовые кроссовки, которые он захотел на свой день рождения обошлись мне в целую зарплату и телефон и много чего ещё.

В бессилии я села на диван и долго смотрела на цифры. Злилась на него и на себя. Потом открыла телефон и набрала номер, который знала наизусть.

Гудок. Второй. Третий.

— Абонент временно недоступен.

Я набрала ещё раз. И ещё.

— Абонент временно недоступен.

Тогда написала сообщение. Длинное, злое, дрожащими пальцами. Стереть. Написать заново, короче. Стереть. В итоге отправила одно слово:

«Позвони»!

Он не позвонил ни в тот вечер, ни на следующий день.

Именно в эти пустые, ватные вечера меня спасала Индия.

Не настоящая, конечно. Настоящая была слишком далеко — в часах перелёта, в визах, в деньгах, которых не было. Индия приходила ко мне, как мечта, как заставка на телефоне, как открытка, приколотая к пробковой доске, как картинка в моей голове, в которую я ныряла с головой, когда реальность становилась невыносимой.

Я представляла её очень подробно, до мелочей. Запах кардамона и жасмина, разноцветные сари, сушащиеся на верёв-

ках, белые стены и розовые цветы, жёлтая пыль над дорогами. Себя — босиком, в лёгком платье, с браслетами на запястье. И рядом — мужчину, который смотрит на меня не как на чужую, а как на свою. В этих фантазиях у мужчины не было лица. Или почти не было. Иногда, в самые честные секунды, я ловила себя на том, что вместо мягких черт Никиты вижу другие — жёсткие, со шрамом через щёку.

Я встряхивала головой, прогоняла видение, как дурной сон.

«Нет. Только не он. Кто угодно, только не он!»

Через неделю после письма из банка Никита объявился сам.

Ночью, в час двадцать, когда город за окном наконец затих, а я лежала без сна, глядя в потолок, телефон завибрировал на тумбочке. Я схватила его так резко, что чуть не уронила.

«Насть, прости, я в загуле был, телефон сломал))) Ты как?»

«В загуле». «Телефон сломал». Три скобки в конце, как будто скобки могли что-то исправить.

Гнев, смешанный с обидой жгучей взвесью поднялся во мне, я набрала номер. Он ответил — и голос его был таким тёплым, таким знакомым, таким обволакивающим, что у меня на секунду перехватило дыхание и все обиды, все долги, все письма из банка разом отступили куда-то на второй план.

— Насть, ну ты чего молчишь? Соскучилась?

— Соскучилась, — честно сказала я и ненавидела себя за это.

— Слушай, я тут подумал… Может, всё-таки рвану к тебе? А? Насовсем. Ну, попробовать.

У меня остановилось сердце. Вот оно. То, чего я ждала. То, ради чего сюда приехала, то, ради чего терпела давку в метро, и Бориса, и этот город, который смотрел на меня сверху вниз.

— Правда? — прошептала я.

— Ну да. Только… — пауза, — мне б билет взять, да и так, на первое время. Ты ж знаешь, у меня с деньгами сейчас туговато. Можешь, кинь немного? А я как встану на ноги — всё верну, зуб даю.

Я закрыла глаза.

И впервые за всё время, что его знала, не сказала «конечно».

— Я… посмотрю, что могу, — ответила медленно, будто слова были из свинца.

— Вот и умничка моя. Ну всё, давай, до связи. Люблю.

Гудки.

Я положила телефон на грудь и лежала так долго, чувствуя, как он остывает под моей ладонью. Снаружи шёл дождь. В комнате было холодно, и я не знала, то ли это осень, то ли что-то внутри меня наконец перестало греться.

В эту минуту я отдала бы всё за тёплые объятия. Мне отчаянно хотелось прижаться к кому-то родному, ощутить теп-

ло чужого тела. Согреться...

На следующий день я пришла на работу с тёмными кругами под глазами и с новой, острой, как стекло, мыслью:

«Я больше не будет ждать. Ни Никиту. Ни одобрения. Ни кого бы то ни было».

Я села за стол, открыла проект и работала, не поднимая головы, до самого вечера. Так, что Инга Марковна дважды приносила мне кофе и качала головой:

— Сгоришь ты, Настя. Так нельзя.

— Можно, — не поднимая глаз, ответила я.

Потому что, когда ты работаешь, не остаётся места ни для чего другого. Ни для звонков, на которые не отвечают. Ни для писем из банка. Ни для серых глаз, которые смотрят на тебя через весь зал, будто ждут, когда ты сломаешься.

Вечером, уже в дверях, меня окликнули.

— Кузнецова.

Я обернулась. Борис стоял в проёме своего кабинета, в расстёгнутом вороте рубашки, с тёмным взглядом, который не предвещал ничего хорошего.

— Завтра, — сказал он ровно, — командировка. На объект в Тулу. Выезд в семь утра. С собой — материалы по «Соколу». Поедете со мной.

Это не было вопросом.

У меня что-то оборвалось внутри.

— А если я откажусь?

Он сделал шаг ко мне. Медленный, тяжёлый. Остановился

на расстоянии вытянутой руки.

— А вы попробуйте, — тихо сказал он, и в голосе его не было ни угрозы, ни холода — только что-то странное, почти усталое. — Попробуйте отказаться, Анастасия.

Он подошёл ещё ближе так, что облако его духов обволокло меня полностью. Бесцеремонно заглянул в разрез моей блузки. Он пристально вглядывался в моё лицо, анализируя каждое изменение в мимике.

Глубоко вздохнув, я ответила:

— Хорошо.

Я выдавила это из себя с такой безнадёжностью и обречённостью, будто даю согласие хирургу на ампутацию ноги.

В его взгляде читалось разочарование. Не сказав ни слова он ушёл и уверенные шаги его эхом разносились по пустому коридору.

Я стояла в пустеющем офисе, сжимая в руках папку с материалами, и понимала одно: завтра в семь утра я сяду в его машину. Потому что работа — это всё, что у меня осталось. И потому что где-то глубоко, на самом дне, под страхом и отвращением, я уже знала, что отказаться не получится.

Он возьмёт то, что хочет по «праву сильного». А то, чего он хотел было очевидно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.